

М., 1984. С. 201–215; Потомки Ходжа Ахрара // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С. 157–168.

⁴² *Мошкова В.Г.* Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX в. Материалы экспедиций 1929–1945 годов. Обработаны, дополнены и подготовлены к печати кандидатом исторических наук А.С. Морозовой. Ташкент, 1970.

⁴³ Из письма дочери В.Г. Мошковой Олеси Ивановны Гордеевой. Хранится в архиве Б.Х. Кармышевой.

⁴⁴ Предисловие А.С. Морозовой к кн.: *Мошкова В.Г.* Указ. раб. С. 5.

⁴⁵ *Литвинский Б.А., Мошкова В.Г.* Изучение Така-Языра, Дуруна // Тр. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 1. Ашхабад, 1949. С. 276–325.

⁴⁶ *Морозова А.С.* // Узбек совет энциклопедияси. Т. 7. Тошкент, 1976. С. 371.

⁴⁷ *Лукин Б.В.* Михаил Филиппович Гаврилов // *Историография общественных наук.* С. 146–148.

⁴⁸ *Морозова А.С.* Предисловие к кн.: *Мошкова В.Г.* Указ. раб. С. 6.

© 2001 г., ЭО, № 4

Б.Х. Кармышева

ИЗ ОПЫТА МОИХ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ТАДЖИКИСТАНЕ И УЗБЕКИСТАНЕ В 1960–1980-е ГОДЫ

К полевой этнографической работе я была подготовлена самой жизнью. Родилась я в татарской семье в г. Кульдже, в Синьцзяне, где прошли первые десять лет моей жизни. Там наша семья жила в тесном общении как с местным населением (уйгурами, казахами, дунганями), так и с пришлыми народами, особенно с русскими и немцами. В 1926–1932 гг. в связи со служебными обязанностями отца мы жили в Москве, а затем в Андижане и Ташкенте. В двух последних городах мы жили в их старой части, среди узбеков, в тесном общении с ними. Кончив русскую среднюю школу и проработав ряд лет (затянувшиеся поиски занятия по душе), я поступила на исторический факультет Среднеазиатского университета в Ташкенте. Там на кафедре археологии, руководимой проф. М.Е. Массоном, мне посчастливилось слушать лекции таких знатоков Средней Азии, как А.А. Семенов, М.С. Андреев, Н.Г. Маллицкий, Л.В. Ошанин, Е.М. Пещерева, а также познакомиться с А.К. Писарчик и В.Г. Мошковой.

В 1945 г. в связи с замужеством я переехала в Душанбе и по рекомендации Е.М. Пещеревой стала работать в Институте истории, языка и литературы Таджикского филиала Академии Наук СССР, избрав темой своих исследований тюркоязычное население Южного Таджикистана, что было поддержано М.С. Андреевым. Здесь мне посчастливилось ряд лет работать под руководством А.К. Писарчик, человека редкой душевной чистоты, исключительно требовательной к себе и к людям. Совместные с Антониной Константиновной этнографические исследования в Кулябской обл. в 1948–1949 гг. послужили мне хорошей школой. В 1950 и 1951 гг. я училась в аспирантуре в Ленинграде, в Институте этнографии АН СССР. Научным руководителем моим был Л.П. Потанов, а заботливым другом – Е.М. Пещерева. Она ввела меня в круг своих знакомых и друзей из других научных учреждений: Института истории материальной культуры (ныне Институт археологии), Эрмитажа, Университета. В конце 1951 г., защитив диссертацию, я вернулась в Душанбе.

В 1952 и 1953 гг. я продолжила полевые исследования в Кулябской обл. в составе Хуттальского отряда Таджикской полевой археологической экспедиции, руководимого

Б.А. Литвинским. В связи с тем что в это время таджикистанские этнографы под руководством А.К. Писарчик приступили к сплошному этнографическому обследованию Каратегина и Дарваза, мне было поручено изучение киргизов Джергетальского р-на.

В эти годы в Институте истории им. Ахмада Дониша Академии наук Таджикской ССР под руководством глубоко почитаемого сотрудниками проф. А.А. Семенова с увлечением работал очень дружный коллектив. Однако вскоре мне пришлось с ним расстаться. В это время наш Институт представил Президиуму Академии наук Таджикской ССР план научных исследований на очередную пятилетку. В нем, в частности, было предусмотрено продолжение изучения мной тюркоязычного населения Южного Таджикистана, а именно карлуков, предки которых еще задолго до даштикипчакских узбеков уже жили в бассейне Пянджа–Амударьи и путем браков сильно смешались с таджиками. Однако Президиум (в лице акад. Б.Г. Гафурова, секретаря ЦК Компартии Таджикистана) не утвердил эту тему, считая целесообразным изучать в Таджикистане культуру и быт прежде всего самих таджиков. После этого, посоветовавшись с коллегами-друзьями, я обратилась с письмом к проф. С.П. Толстову, директору Института этнографии АН СССР, о возможности продолжить в руководимом им Институте начатые мной исследования. Вскоре я получила положительный ответ. Президиум Академии наук Таджикской ССР отпустил меня не без трудностей.

В 1956 г. я переехала в Москву и продолжила исследования в южных районах Таджикистана и в Сурхандарьинской обл. Узбекистана, являющейся естественным продолжением Гиссара. Сплошное обследование соседней Кашкадарьинской обл. с 1955 по 1960 г. проводилось К.Л. Задыхиной, однако эта работа была прервана ее преждевременной кончиной.

В составе отряда К.Л. Задыхиной проводили исследования по своим темам также Е.М. Пещерева и Р.Я. Рассудова. В горной части этой области среди таджиков и тюрков в 1957 г. работал еще один отряд в составе Е.М. Пещеревой, Н.А. Кислякова и автора данной статьи, так как этот район представляет собой естественное продолжение Западного Гиссара и население этой горной области состояло в родстве с населением верховьев Сурхандарьи.

В последующие годы, вплоть до 1988 г., мною были обследованы вся Самаркандская обл. и значительная часть Джизакской. В составе отряда в разные годы по своим темам вели исследования Е.М. Пещерева, Г.П. Снесарев, В.Н. Басилов, а также сотрудники Государственного музея этнографии СССР Б.С. Гамбург и С.И. Илюшенко.

В программах Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана вопросам родоплеменного состава населения, истории кишлаков, а также традиционным занятиям при полевых исследованиях придавалось первостепенное значение. Эти темы со стороны как руководителей районов и колхозов, так и самого местного населения всегда вызвали живой интерес и одобрение, особенно у старшего поколения, ибо все понимали, что если сейчас не зафиксировать знания старых людей, потом будет уже поздно. Не могу не привести один яркий пример.

В 1966 г. в Сурхандарьинской обл., в Сариассийском райкоме как многознающего человека мне назвали Нияза Паянова из узбекского племени кунграт. Жил он в маленьком кишлаке Байбича на западном пустынном склоне хребта Бабатаг. Кишлак этот возник как зимовка у родника Тамчибулак, что значит «родник-капля». И действительно, родничок настолько мал, что может снабжать водой только с десяток семей, большинство которых в то время жило в *каппа* – юртообразных шалашах из тростника. У старика был невзрачный глинобитный дом и даже несколько хилых кустов виноградной лозы. Все это стало возможно лишь благодаря тому, что он несколько сезонов работал с геологами и они с помощью небольших узких труб провели к его участку воду из родничка. Когда я объяснила старику, зачем мы приехали, он воскликнул: «Я вас давно жду!». Заметив мое удивление, он разъяснил: «Я столько знаю, что должен же был кто-то приехать и записать».

Наш почтенный хозяин и в самом деле оказался многознающим человеком. Мы пробыли у него два с лишним дня. Стояла поздняя осень, и мы ночевали в убогой михманхане. Хозяин по вечерам долго засиживался со мной при тусклой керосиновой лампе, а утром приходил чуть свет, чтобы, пока мои спутники (художник, фотограф, шофер) еще спят, успеть записать как можно больше. Днем он водил нас по домам своих односельчан, заставляя хозяек разрушать аккуратно сложенные на сундуках стопки семейного добра, чтобы мы могли отобрать вещи для фотографирования. Хозяйки показывали нам узорные войлоки, паласы, вышивки, платки и другие вещи. Мы внесли разнообразие в их тихую жизнь. Позже, в Москве, я получила несколько писем от сына старика. Он в то время служил в армии где-то в Заполярье. Ему написали о нашем приезде. К письмам он каждый раз прилагал песни своего кишлака, по которому очень скучал. Письма мне иногда писали и девушки, и даже женщины. Иногда и приезжали, если, например, нужно было навестить сына-солдата или показаться врачу.

Не только здесь, но и в других местах наша работа с каждым годом вызывала все больший интерес, ибо у самого народа росло понимание ее значимости: переселения с гор и из степи в районы нового орошения, смешение всех этнографических групп, влияние города – все это способствовало унификации. В результате переселений исчезали многие селения. Я не уставала разяснять необходимость записи всего традиционного, которое с каждым годом все больше исчезает, и люди с большой охотой и благодарностью делились своими знаниями.

Но каждый из нас, конечно, знает, что успех зависит прежде всего от личности самого исследователя. Во время работы в «нашем» колхозе бывали случаи, когда старики-информаторы сопровождали нас в далекие кишлаки соседних районов, чтобы представить своим многознающим друзьям и насладиться неожиданной встречей с ними и долгими интересными разговорами. А давний друг, польщенный оказанной ему честью и обрадованный приездом друзей, спешил зарезать барана. Неоднократно я ездила и одна, без машины, и вдвоем с С.С. Губаевой или с С.И. Илюшенко и неизменно встречала доброжелательный прием.

Особое удовольствие мне доставляли совместные поездки с Еленой Михайловной Пещеревой. Ее благородный облик, знание местных языков, свободное чтение старых книг и рукописей (она в 1924 г. окончила этнолого-лингвистическое отделение Туркестанского восточного института в Ташкенте), умение вести беседу всегда вызывали у собеседников соответствующий отклик.

Что касается местных государственных и партийных органов, то они не вмешивались в нашу работу, а помогали. Мы от них получали много нужных сведений: списки колхозов, совхозов и кишлаков, входящих в состав каждого из них. Обычно нам называли и имена наиболее интересных для нас многознающих людей.

Интересная встреча состоялась у меня осенью 1988 г. в пограничном с Афганистаном Гагаринском р-не Сурхандарьинской обл. Это случилось накануне моего отъезда домой, в Москву. Я была одна, без машины. В этом районе я бывала и раньше, но все же еще оставалась одна неизученная мной группа узбеков, считающаяся коренным населением Келифа и его окрестностей. Называется эта группа «камачи», что значит «лодочник». Краткие сведения о той ее части, которая живет в соседнем Чаршангинском р-не Туркмении, имеются в статье у Я.Р. Винникова¹. Он включил их в состав туркменских племен, хотя и сомневался в их туркменском происхождении. Значительная часть камачи живет и на самом юге Сурхандарьинской обл., в Гагаринском р-не, на землях нового орошения, протянувшихся вдоль правобережья Амударьи. Вот я и решила попытаться побывать у камачи и в самом Келифе, о чем давно мечтала.

В последние перед отъездом дни я ночевала на базе ташкентских археологов в поселке им. Гагарина у железнодорожной станции, а районный центр, Комсомолабад, был невдалеке. Утром чуть свет я отправилась на шоссе в надежде поймать попутную машину и не ошиблась – еще до восхода солнца я уже была в райцентре.

Был канун хлопкоуборочной кампании. Перед райкомом много машин. Видимо, вызвали секретарей партийных организаций, чтобы дать последние наставления. Я, как всегда, пошла к третьему секретарю райкома, который обычно отвечает за общественную деятельность. В эти годы на пост третьего секретаря было принято выбирать женщину. Меня приняла скромного вида женщина средних лет. Я представила удостоверение в виде письма директора института в областные и районные организации и сельские советы с просьбой оказать содействие моей работе. Она пошла посоветоваться со вторым секретарем и вскоре прибежала за мной. Пока мы шли по длинному коридору, нам навстречу с распростертыми объятьями быстро шагал довольно представительный молодой человек в костюме и при галстуке. Он оказался сыном директора школы небольшого горного кишлака Хатак, где в 1961 г. наш отряд пробыл несколько дней. Тогда ему было лет 13. Директор по моей настойчивой просьбе был нашим проводником при поездке к знаменитым зарзайским наскальным рисункам. В благодарность за это я много лет спустя послала ему свою монографию. Сын директора к этому времени уже закончил институт и мечтал встретиться со мной. Отца его уже не было в живых. Жителей горных кишлаков переселили на целинные земли выращивать хлопок. Секретарь райкома выразил сожаление, что не может сопроводить меня, так как должен проводить совещание, подозревал приехавшего на совещание секретаря парткома того совхоза, где основное население составляли узбеки камачи. Секретарю парткома было сказано, чтобы он повез меня в Келиф, хотя это знаменитое с древности поселение у переправы через Амударью и находится ныне на территории Туркменистана, устроил мне в своем совхозе встречу со знающими людьми, и поскольку в моем распоряжении всего один день, отвез меня обратно в поселок им. Гагарина, откуда я должна была на следующее утро поездом выехать в Душанбе. Все было выполнено.

За все годы моих полевых исследований ни государственные, ни партийные органы областей и районов ни разу не вмешивались в нашу работу, даже при изучении колхоза, так как мы соблюдали элементарный порядок: приехав в новый район, колхоз или совхоз, мы представлялись местным властям (области, района, селения в зависимости от широты наших исследований). Обычно это было вовсе не самое главное лицо, которого трудно застать, а секретарь канцелярии. Это посещение, во-первых, знак уважения к органам, которые ответственны за порядок на своем участке, а во-вторых (и это самое главное), от них мы получали нужные нам сведения, они направляли нас к наиболее интересным информаторам. Они же в горных районах помогали найти коня и проводника и т.д. Обычно из районного совета или районного комитета компартии обращались по телефону в сельские советы и правления колхозов или дирекции совхозов, чтобы оказывали нам содействие в работе.

Однако в Москве партийный комитет Института трепетал перед райкомом партии, как и редакторы издательства. Когда, например, несколько сотрудников сектора Средней Азии и Казахстана Института этнографии Академии наук СССР подготовили монографию «Этнографические очерки узбекского сельского населения», написанную на основании материалов одного колхоза, заместитель директора Института С.И. Брук (он перед этим много лет был секретарем институтской партийной организации) потребовал, чтобы авторский коллектив представил отзыв от Самаркандского областного комитета партии. Отзыв нужно было представить в издательство «Наука». Мне, как руководителю авторского коллектива, пришлось в Самарканде обратиться в обком, где мне резонно сказали, что они не специалисты и посоветовали обратиться в университет. На историческом факультете Самаркандского университета также сказали, что у них нет специалистов-этнографов. К счастью, на филологическом факультете у меня был знакомый диалектолог, которого я в свое время консультировала и для которого написала отзыв на его диссертацию. Он организовал на своей кафедре обсуждение нашей монографии, и я, наконец, получила отзыв. Для издания же работ, посвященных прошлому, следовало представлять два отзыва только от специалистов. Трудно осуждать и С.И. Брука. Такие были времена.

Что касается «нашего» колхоза, то постоянные связи с друзьями оттуда у меня сохранялись многие годы. Продолжая исследования в Самаркандской обл., я всегда навещала наиболее близкие мне семьи. И они бывали в Москве. Сохранялись связи и с отдельными семьями, живущими в других областях, но теперь и они порвались.

Примечание

¹ Винников Я.Р. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии. Т. VI. Сер. этнограф. Ашхабад, 1932. С. 92.

© 2001 г., ЭО, № 4

Б.Х. Кармышева

КРАТКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАСЕЛЕНИИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ПОЛОСЫ АМУДАРЬИ ОТ ТЕРМЕЗА ДО КЕЛИФА (НАЧАЛО XX в.)

Источником для написания предлагаемого сообщения послужили полевые материалы автора 1971, 1983 и 1986 гг. (Предгорный отряд Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР). Этнографические исследования проводились здесь впервые. Исключение составлял лишь бассейн Кугитангдарьи, который в 1924 г. во время районирования Средней Азии был включен в состав Чарджоуской обл. Туркменской ССР и поэтому был обследован Туркменским отрядом той же экспедиции во главе с Я.Р. Винниковым в 1958 г.¹

На указанном отрезке правобережной полосы Амударьи от Термеза до Келифа представлены три ландшафта: пойма с тугайной растительностью, надпойменная терраса, представлявшая собой в начале XX в. маловодную степь, и подгорная равнина. Широкая северо-восточная часть подгорной равнины занята обширным конусом выноса Шерабаддарьи. Из-за маловодности этой реки до 1970-х годов орошалась лишь незначительная часть этой площади, а до Амударьи доходило только основное русло Шерабаддарьи – небольшая р. Карасу с сильно осолоненной водой. Вплоть до коллективизации к югу от Шерабадского оазиса кишлаки были редки и представляли собой поселения обедневшей и потому оседающей части узбеков-кунгратов. Здесь они в основном выращивали бахчевые культуры: тыквы (пищевые и посудные), арбузы и особенно дыни. Дыни, выращенные на солоноватой воде, очень славились. Их продавали как на месте, так и на шерабадском базаре. Покупали дыни на месте узбеки племени *джалаир*, прикочевывавшие в урочище Бешкутан и его окрестности с низовьев Зеравшана. Они обычно обменивали у кунгратов на дыни сухой верблюжий помет, служивший топливом в зимнее время. Дыни, разрезав на ломти, вялили и запали на зиму.

В непосредственном соседстве с узбеками-кунгратами в прибрежной полосе Амударьи выше Келифа, в тугайной зоне, примерно с середины XIX в. стали селиться туркмены племени *эрсари*, чьи культурные земли на Средней Амударье были смыты рекой.

Как известно, области, расположенные по верхнему течению Амударьи, уже начиная с середины XII в. были обжиты туркменами². Однако после завоеваний Шейбанихана, когда обширная область от Термеза до Карши стала юртом узбекского племени